Е. Е. Стефанский

КОНЦЕПТ ‘СОВЕСТЬ’ В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Исследуется лингвоспецифичность концептов, обозначающих совесть, в трех славянских лингвокультурах. В русской лингвокультуре совесть оказывается чем-то внешним по отношению к душе и телу человека, идущим в конечном счете от Бога. В польской и чешской лингвокультурах — это более рациональное чувство, которым можно управлять.

Ключевые слова: эмоциональные концепты, лингвокультурология, славянские языки.

E. Stefanski

CONCEPT ‘SOVEST’ (‘CONSCIENCE’) IN RUSSIAN, POLISH AND CZECH LINGUISTIC CULTURES

Special linguistic features of concepts meaning ‘conscience’ in three Slavonic languages are regarded. In Russian linguistic culture conscience is understood as external to the body and the heart of a person, God being is the source of conscience. In Polish and Czech cultures conscience is understood as a more rational feeling, the one that can be directed.

Keywords: emotional concepts, linguistic culturology, Slavonic languages.

Еще в эпоху праславянского единства в славянских лингвокультурах сформировались такие этические концепты, как ‘срам’, и ‘стыд’ как регуляторы прежде всего полового поведения индивида. Со временем слова, обозначавшие эти понятия в славянских языках, эволюционировали к значению ‘позор’. Понятие о позоре и его вербализация происходит, по-видимому, значительно позже: в эпоху распада праславянского единства или даже в период самостоятельного развития славянских языков. Стадиально этому времени у славян соответствует период военной демократии и ранней государственности. Очевидно, именно в это время происходит формирование личностного сознания и выделение личности из общества. В это время, по словам В. В. Колесова, «стыд человека (его самоосуждение) вошел в противоречие с осуждающей злобой окружающих, не всегда справедливой и честной» [5, с. 107]. Позор стал, с одной стороны, своеобразным вызовом, агрессивной реакцией формирующейся личности на обязанность стыдиться перед обществом, а с другой — способом наказания взбунтовавшейся личности со стороны социума.

Средством гармонизации отношений между всё более обособлявшейся личностью и обществом стала *совесть*. Слова, обозначающие это понятие в славянских языках, являются кальками. Так, ст.-сл. съвѣсть[1] калькировано с греч. *syneidos* ‘совместное знание, сознание’ и было заимствовано в большинство языков Slavia Orthodoxa. Латинская калька упомянутого греческого слова, выглядевшая как *conscientia*, стала основой для возникновения соответствующих лексем в языках Slavia Latina. В чешском и словацком языках при калькировании был использован (как и в слове *совесть*) корень *ved- (см. чешск. *svedomi*, словацк. *svedomie*), тогда как в польском — тот же корень, что и в русск. *мнение*, *сомневаться* — *mьn- (см. польск. *sumienie*) [6, т. 2, с. 184; 11, с. 617; 8, с. 586–587].

Итак, русск. *совесть*, чешск. *svedomi* и польск. *sumienie* — это буквально ‘совместное знание, совместное мнение’. Рассматривая концепт совести в русском языке, Н. Д. Арутюнова подчеркивает: «*Сознание* не просто *сознает*, но, сознавая, оно *судит* и *осуждает*. В нем присутствует система норм, с которой человек соотносит свои действия — предстоящие или уже совершенные. Приобретая судейскую функцию, *сознание* становится *совестью*» (курсив автора. — *Е. С.*). По словам исследовательницы, совесть, в отличие от сознания, активна, поскольку диктует человеку действия и поступки и наказывает за неподчинение [1, с. 55].

«У человека, — писал М. М. Бахтин (2, с. 312), — нет внутренней суверенной территории, он весь всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*» [2, с. 312]. Рефлексия по поводу границы (приличий, морали, допустимого и т. п.) — одно из важнейших свойств человека, испытывающего муки совести. См., например, в повести А. Пушкина «Барышня-крестьянка»:

> Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и **совесть** начинала ее **мучить**. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их ***не выходила из границ благопристойности***, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, **совесть** ее **роптала громче** ее **разума**. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более ***беспокоило*** ее: она совсем было решилась не сдержать своей торжественной клятвы. (*Пушкин*)

[1] По техническим причинам польский и чешский текст, а также праславянские примеры даны в упрощенной графике без диакритических знаков.

В. В. Колесов подробно анализирует историю слова *совесть* в древнерусском языке, прослеживая процесс превращения ‘совместного знания’ в ‘самосознание’, регулирующее человеческую нравственность. Исследуя размышления о стыде, сраме и совести в трудах аскета Нила Сорского, датированных XV веком, ученый отмечает: «Совесть совмещает в себе сразу и стыд, и срам, это — слияние субъект-объектных отношений, при котором человек одновременно и субъект нарушения нормы, и судья» [5, с. 111].

Стадиально понятие совести выработалось в позднем христианстве. Не случайно Кирилл и Мефодий переводили греческое *syneidos* словом *обычай*, который и был регулятором нравственности в родовом обществе, а в Библии это понятие появляется лишь в Новом Завете, в Посланиях Ап. Павла [1, с. 63–64; 5, с. 109].

Таким образом, совесть неизбежно соотносится с христианской *верой*. Совестливый человек ищет гармонии между личными амбициями и общественным благом, беседуя с Богом и собственной душой, недаром, согласно пословице, приводимой В. И. Далем, *Добрая совесть — глас Божий* [3, т. 4, с. 257].

Показателен в этом отношении фрагмент романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом». Герой романа князь Иеремия стоит перед нелегким нравственным выбором: захватить на волне собственных военных побед власть в Речи Посполитой или во имя спокойствия на родной земле подчиниться законам. Князь испытывает множество противоречивых эмоций, среди которых доминируют различные виды страха:

Часовые на збаражских стенах оповестили полночь, а Иеремия все еще продолжал разговаривать с Богом и с собственной великою душою. Разум, **совесть** (**sumienie**), любовь к отечеству, гордость, ощущение своего могущества и великих предназначений боролись в груди его и вели меж собой упорную схватку, от которой разрывалась грудь, раскалывалась голова и боль раздирала все тело <…> Что означает ***тревога*** (***niepokoj***) эта, бесстрашную грудь его содроганием ***беспокойства*** (***trwogi***) некоего охватывающая? Что означает — тогда, как он самым отчетливым и убедительным образом доводит себе, что обязан принять власть, — чей-то шепот, в безднах **совести** (**sumienia**) его нашептывающий: «Обольщаешься! Гордость тобою движет, сатана гордыни царства тебе сулит!»? <…> О! Это же кичливость и амбиции магнатов, это же самоуправство, это своеволие тому причиной. Опаснейший враг — не Хмельницкий, но внутренний беспорядок, но своеволие шляхты, но немногочисленность и расхлябанность войска, горлодерство сеймов, дрязги, раздоры, неразбериха.

После долгих и мучительных раздумий князь, наконец, принимает решение и объявляет о нем своим соратникам:

— Милостивые государи! — сказал он. — Нынешней ночью **я вопрошал Бога и собственную совесть** (**rozmawialem z Bogiem i wlasnym sumieniem**), как мне надлежит поступить. Посему объявляю вашим милостям, а вы оповестите рыцарству, что ради блага отечества и согласия, обязательного для всех в годину бедствий, я отдаю себя под начало региментариев.

Совесть, таким образом, как срам, стыд, и позор, вызывает в человеке страх. Иногда это страх смерти, наказания, — как в пословице: *У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги — виселица!* [3, т. 4, с. 257] и в приводимом ниже отрывке из романа «Огнем и мечом»:

Однако ***страх*** пока еще умерял жажду крови и убийств. Покамест лишь дурным предзнаменованием на будущее можно было почесть то, что даже в деревеньках, где крестьяне не подались до сих пор к Хмелю, они разбегались при подходе княжеских войск, словно ***опасаясь***, что ***страшный*** князь прочитает в их глазах все, что подспудно лежало на их **совести**, и ***накажет***, чтобы впредь неповадно было. — Wszelako ***strach*** panowal jeszcze nad glodem krwi i mordu. To tylko za zla wrozbe na przyszlosc poczytanym byc moglo, ze w tych nawet wioskach, w ktorych chlopi nie puscili sie dotad do Chmiela, uciekali za zblizaniem sie wojsk ksiazecych, jakby w ***obawie***, by im ***straszny***

kniaz z twarzy nie wyczytal tego, co w **sumieniach** sie krylo, i z gory nie pokaral (*Сенкевич*).

Однако со временем внешний страх начинает противопоставляться совести как внутреннему регулятору нравственности, как в поговорке *Не за страх, а за совесть*. Именно совесть концептуализируется в сопоставляемых языках как некое существо, которое *грызет, пожирает, мучит, упрекает, отчитывает* (см. русск. *угрызения совести*, *совесть замучила,* чешск. *vycitky svedomi* ‘упреки совести’, *svedomi zere* ‘совесть пожирает’, *svedomi trapi* ‘совесть мучит’, польск. *sumienie gryzie, trapi, dreczy* ‘совесть грызет, огорчает, мучит’) и даже вызывает появление прыщей (см. польск. *wyrzuty sumienia* ‘угрызения, букв. прыщи, совести’).

Именно поэтому совесть вызывает у человека внутренний страх:

«Осмелюсь доложить, господин майор, когда я хвачу лишнее, то всегда чувствую ***внутри*** какое-то ***беспокойство***, ***страх*** и **угрызение совести**». — Poslusne hlasim, pane major, ze kdyz pretahnu, pocituju v sobe vzdy jakejsi ***nepokoj***, ***strach***, a **vycitky svedomi** (*Гашек*).

Этот страх оказывается особенно сильным, если человек, рефлектируя по поводу границы морали, осознает, что преступил ее:

Раскольников, убивший топором старуху-процентщицу, сознавал, что перешагивает ***страшный порог***, <…> [он] не в силах был совладать со ***страшной*** бурей **угрызений совести**. — Raskolnikov, ktery zabijel sekerou starou lichvarku si uvedomoval, ze prekracuje ***straslivy prah***, <…> nebyl s to zvladnout ***straslivou*** bouri **vycitek svedomi** (*Кундера*).

Яркой особенностью русского языка на фоне чешского и польского является возможность образования от слова *совесть* предикатива *совестно*. По справедливому замечанию Анны А. Зализняк, он позволяет «представить участие совести в процессе принятия решения и в оценке собственных действий как состояние самого действующего субъекта» [4, с. 285]. Как и в любом русском безличном предложении с категорией состояния, фразы типа *Ему стало совестно* передают процесс нравственного выбора как идущий от некоей непознанной сверхъестественной силы, в конечном счете, — от Бога.

Поскольку в польском и чешском языках подобные предикативы отсутствуют, на месте русск. *совестно*, в параллельных текстах чаще всего употребляются предикативы с корнем, обозначающим ‘стыд’: глаголы типа польск. *wstydzic sie*, чешск. *stydet se* ‘стыдиться’, а в польских текстах, кроме того, — слово *wstyd* в предикативной функции, семантически соотносящееся с русск. *стыдно*:

Лизе было **совестно** показаться перед незнакомцами такой чернавкою; она не смела просить... она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей... (*Пушкин*). — Liza **se stydela** objevit pred neznamymi hosty sneda jako cikanka; neopovazila se prosit… byla presvedcena, ze dobra, mila miss Jacksonova ji odpusti atd.

— Мне просто **совестно** было бы брать деньги от такой особы, что возвращается из эмиграции, — отвечал он на все мои уговоры.

— Ja bym **sie wstydzil** brac od takie osobe, co migracje wraca — odpowiadal na wszystkie moje zaklecia (*Прус*).

Ромашову показалось, что она [Шурочка] смотрит прямо ему в глаза. У него от испуга сжалось и похолодело сердце, и он поспешно отпрянул за выступ стены. На одну минуту ему стало **совестно**. Он уже почти готов был вернуться домой, но преодолел себя и через калитку прошел в кухню (*Куприн*). — Romaszowowi wydalo sie, ze Szuroczka patrzy mu prosto w oczy. Serce scisnelo mu sie z przerazenia i pospiesznie odskoczyl za wystep sciany. Przez chwile bylo mu **wstyd**. Juz prawie gotow byl wrocic do domu, ale przemogl sie i przez furtke skierowal do kuchni.

Такая возможность замены *совестно* на лексемы со значением ‘стыдно’ или

‘стыдиться’ объясняется тем, что как совесть, так и стыд осуждают действия, противоречащие нормам морали. С другой стороны, как отмечает А. Зализняк, если речь идет об ущербе, нанесенном другому человеку, *совестно* может сближаться с предикативом *неудобно*. Более того, по словам исследовательницы, в русском языке рубежа XX–XXI вв. «в такого рода контекстах *неудобно* постепенно расширяет сферу своего употребления, вытесняя собой *совестно*» [4, с. 288–289]. Именно в подобных контекстах в чешском и польском языках русскому *совестно* соответствуют обычно не слова с семантикой стыда, а другие лексические средства. Ср. примеры в таблице.

На фоне русского концепта ‘совесть’ чешский концепт ‘svedomi’ и польский ‘sumienie’ предстают более рациональными. Если русск. *совестно* наглядно демонстрирует, что процесс пробуждения совести иррационален, управляется не человеком, а Богом, то в чешском, и особенно в польском языках, существует довольно много устойчивых выражений, свидетельствующих о том, что совестью можно управлять и даже манипулировать. См. чешск. *ridit svym svedomim a vedomim* ‘управлять своей совестью и сознанием’ [7, с. 390]; польск. *obudzic, poruszyc czyjes sumienie* ‘разбудить, расшевелить чью-то совесть’, *przemowic komus do sumienia* ‘проговорить, обращаясь к чьей-то совести’, *wstrzasnac czyims sumieniem* ‘встряхнуть чьей-то совестью’, *uspic, zabic, zaglusyc sumienie* ‘усыпить, убить, заглушить совесть’; чешск. *prehlusit, prekricet svedomi* ‘заглушить, перекричать совесть’ [12, т. 3, с. 379].

Очень ярко различия в изображении переживания совести в русской и польской лингвокультурах демонстрирует сопоставление следующего фрагмента повести А. Пушкина «Капитанская дочка» в оригинале и польском переводе (см. таблицу на с. 129).

В русских текстах	**В польских и чешских текстах**
Вокульскому стало **совестно**, что такая просьба несколько дней пролежала без отклика. Ср.: *Вокульскому стало **неудобно**…*	Wokulskiemu **przykro** sie zrobilo, ze podobna prosba kilka dni czekala na odpowiedz (*Прус*). Букв. *Вокульскому сделалось **неприятно, досадно**…*
— Странная история, — задумался капитан Сагнер. — Почему вы все время, Швейк, подталкиваете к нам Кунерта? — Осмелюсь доложить, господин батальонный командир, обо всем следует рапортовать. Он глуп, ему господин лейтенант Дуб набил морду, а ему **совестно** одному идти с рапортом. Ср.: *Ему **неудобно** одному идти с рапортом.*	„Tohle je divna zalezitost,“ rekl hejtman Sagner, „proc sem strkate, Svejku, toho Kunerta” „Poslusne hlasim, pane batalionskomandante, ze vsechno musi jit po raportu. Von je pitomej, von byl zfackovanej panem lajtnantem Dubem, a von **si to nemuze dovolit**, aby sam sel k raportu (*Гашек*). Букв. *…он **не может себе позволить** один идти к рапорту.*
Но ждет проситель день, другой, не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело и не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! — говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, — у нас было столько дел; но завтра же все будет сделано завтра непременно, право, мне даже **совестно**!» (*Гоголь*). Ср.: *…право, мне даже **неудобно**.*	Cekal vsak den, druhy, a kdyz mu ani treti den nic neprislo, jde do kancelare — a tam jeste ani nezacali; bezi tedy rovnou k vzacnemu pokladu. “Prominte prosim!” omluvil se preuctive Cicikov a uchopil ho za ruce. “Meli jsme tolik prace, ale hned zitra to dame do poradku, zitra urcite. Tuze me to **mrzi**, opravdu!” Букв. *…Это меня **огорчает**, право.*

В русском оригинале	В польском переводе
Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало **совестно**, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок» (*Пушкин*).	Wlozylem kozuch i siadlem na kon, sadzajac Sawielicza za soba. — Ot, i widzisz, panie, — rzekl piastun — nie na prozno podalem lotrowi suplike: **ruszylo sumienie** bezecnika. Chociaz koscista klacz baszkirska i kozuch niewarte sa nawet polowy tego, co ty sam raczyles mu ofiarowac, wsakze przydadza nam sie w drodze; z kiepskiego psa chociaz siersci klak. Букв.: ***расшевелила совесть*** *мерзавца*.

В русском тексте решение Пугачева предстает не столько как следствие челобитной Савельича, сколько как снизошедшее на него свыше. В польском тексте же это цепочка причинно-следственных отношений: Савельич подействовал на совесть Пугачева, а совесть заставила его наделить Гринева клячей и тулупом.

Еще один показатель «рациональности» совести в польской лингвокультуре — религиозный термин *rachunek sumienia* (букв. ‘счет совести’). В нем использовано заимствованное из немецкого языка слово *rachunek*, употребляющееся обычно и для обозначения счета в финансовом смысле этого слова. Названный термин обозначает «процесс воспоминания, анализа собственных поступков, грехов, провинностей перед исповедью» [12, т. 3, с. 379]. По свидетельству носителей польского языка, в современном употреблении это словосочетание может обозначать и обычную работу совести, не обязательно связанную с религиозной исповедью.

По-видимому, больший рационализм польского концепта ‘sumienie’ объясняется не только и не столько принадлежностью польского языка к культурно-языковой зоне Slavia Latina, сколько этимологией соответствующей лексемы. Слово *sumienie* в древнепольском языке словообразовательно соотносилось с глаголом *samniec sie*, который не только имел значение ‘колебаться, испытывать нерешительность’, как совр. русск. *сомневаться*, но и ‘возражать, сопротивляться, противоречить’, а также семантику иррационального страха ‘бояться, тревожиться, беспокоиться, опасаться’. А. Брюкнер, подчеркивая в своем этимологическом словаре внутреннюю форму слова *sumienie*, выразился очень кратко, но емко: «*sumienie* — od *sa* i *mniec* ‘mniemac tak i siak’» [9, с. 526], т. е. «совесть — это значит ‘считать, полагать так и сяк’».

По данным автора «Нового этимологического словаря польского языка» К. Длугош-Курчабовой, древнепольский фонетический вариант этого слова *samnienie* мог под влиянием народной этимологии приобретать вид *sadmnienie*, т. е. буквально ‘суд-мнение’, ‘то, что дает оценку, выносит суждение’ [10, с. 475–476]. Таким образом вербально подчеркивалась ценностная роль совести. *Sumienie* для польского сознания не только судья, но и свидетель. Об этом свидетельствуют приводимые в указанном словаре древнепольские пословицы *Sumienie swiadek nieomylny, za wiele swiadkow stoi* ‘Совесть — свидетель безошибочный, многих свидетелей заменит’ и *Sumienie tysiac swiadkow* ‘Совесть — тысяча свидетелей’.

Итак, внутренняя форма польск. *sumienie* во многом повлияла на особенности этого концепта в польской лингвокультуре. Совесть вершит суд, является свидетелем (т. е. тем, кто знает о твоих мыслях), но одновременно, как и всякое мнение, она подвижна, ею можно управлять.

В русском сознании совестью человек наделяется свыше, муки совести также

идут от Бога. В этом отношении весьма показательны две пословицы: польская *Co oko cialu, to sumienie duszy* ‘Совесть для души, что глаз для тела’ [10, с. 476] и русская *Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука* [3, с. 257]. В соответствии с польской пословицей совесть живет в душе и вместе с ней противопоставляется телу. Русская же пословица построена не по бинарной, а по тернарной модели: душа противопоставляется телу, а средством и залогом (*порукой*) их гармоничных отношений является совесть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души. Показательно в связи с этим, что в украинском языке, где понятие ‘совесть’ передается двумя лексемами, слово *сумління*, заимствованное из польского, имеет «светскую» («прагматическую») ориентацию, тогда как лексема *совість*, восходящая к др.-русск. и ст.-сл. съвѣсть, — религиозную [1, с. 72].

Внутренняя форма чешск. *svedomi*, на первый взгляд, близка к русск. *совесть*: оба слова образованы с помощью корня *ved-. Однако чешское слово образовано от страдательного причастия глагола *sъvedeti — *sъvedomъ. Упрощенно говоря, различия между русск. *совесть* и чешск. *svedomi* — примерно такие же, как между русск. *весть* и *ведомость*. Если *весть* — это знание, информация вообще, то *ведомость* — это информация, упорядоченная, освоенная и осмысленная сознанием, это *ведомая весть*. Аналогично русск. *совесть* — это информация о нравственности, идущая извне (как мы убедились, свыше), тогда как чешск. *svedomi* — это информация о нравственности, усвоенная сознанием. Показательно, что это слово сходно как с чешской, так и с польской лексемами, обозначающими ‘сознание’ (ср. чешск. *vedomi* и польск. *swiadomosc*). Кроме того, во многом из-за сходства формы и семантики слов, обозначающих ‘совесть’ и ‘сознание’, в чешском языке очень употребительно выражение *svedomi a vedomi* ‘совесть и сознание’. В некоторых контекстах, например, *Pracovat podle sveho najlepsiho vedomi a svedomi* (букв. ‘Работать в соответствии со своим наилучшим сознанием и совестью’) оно может сближаться по семантике с русск. *Не за страх, а за совесть*. В целом же его значение шире. См., например, употребление этого выражение в современном чешском политическом дискурсе:

Чешский оригинал	Русский перевод
Vzdyt podle svedomi volit muze Vzdyt ten senator podle toho sveho **svedomi a vedomi** muze volit tajne i verejne. Pri verejne volbe mu nikdo jeho svedomi nebere, ani mu za to nemuze vzit poslanecky mandat. Jde o to, ze my volici bychom take radi vedeli jakeho jsme si to zvolili poslance a senatora. Jestli on voli podle naseho **vedomi a svedomi** na co jsme hu hodinili svuj hlas. Jedine volici v dalsich volbach rozhodnou, zda respektuji poslancovo a senatorovo **vedomi a svedomi**. Proto jsou ty volby. Volici musi znat **svedomi a vedomi** svych volenych poslancu a senatoru. http://www.ihned.cz/42-10073040-31634265-1-22907910-000000_d-55	**Но ведь по совести голосовать можно** Но ведь этот сенатор в соответствии со своей **совестью и сознанием** может голосовать как тайно, так и открыто. При открытом голосовании никто у него совести не отбирает и никто у него за это не может забрать мандат депутата. Речь идет о том, чтобы мы, избиратели, тоже знали, какого депутата или сенатора мы избрали. Если он голосует в соответствии с нашим **сознанием и совестью**, то мы именно за это отдали ему свой голос. Только избиратели во время дальнейших голосований решат, нравятся ли им **сознание и совесть** депутатов и сенаторов. Для того и существуют эти голосования. Избиратели должны знать **совесть и сознание** депутатов и сенаторов, за которых они голосовали.

Показательно также, что русскому выражению *лезть кому-то в душу* в чешском языке соответствует *sahat nekomu do svedomi* (букв. ‘лезть кому-то в совесть’).

Итак, вместилище совести в чешской лингвокультуре — душа и сознание. И только *управляя совестью и сознанием* (чешск. *ridit svedomim a vedomim*), можно избавиться от ее угрызений и страха, вызываемого ею.

«Внешнее» же расположение совести в русском сознании позволяет ее просто *отогнать* и тем самым избавиться от страха, как это происходит с пушкинскими братьями-разбойниками:

В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

* * *

Итак, образ совести, рисуемый в трех сравниваемых лингвокультурах, несмотря на сходство внутренней формы соответствующих лексем, оказывается весьма лингвоспецифичным.

В русской лингвокультуре *совесть* оказывается чем-то внешним как по отношению к телу, так и к душе человека (ср. русск. *Ему совестно*, где угрызения совести предстают навязанными свыше).

В польской и чешской лингвокультурах совесть предстает как более рациональное чувство, которым можно управлять (см. чешск. *ridit svym svedomim,* польск. *wstrzasnac czyims sumieniem*). Вместилищем совести в этих лингвокультурах является сознание (ср. очень частотное в чешском языке выражение *svedomi a vedomi* ‘совесть и сознание’).

Если русск. *совесть* — это информация о нравственности, идущая извне, в конечном счете — от Бога, то чешск. *svedomi* (< страдательного причастия *sъvedomъ) — это информация о нравственности, усвоенная сознанием. Особенность польского концепта *sumienie* на этом фоне в том, что совесть вершит суд (ср. народную этимологию *sadmienie*), является свидетелем твоих мыслей и поступков (см. *Sumienie swiadek nieomylny, za wiele swiadkow stoi*), но одновременно, как и всякое мнение, она подвижна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* О *стыде* и *совести* // Логический анализ языка: Языки этики. — М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 423 с.

3. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1989–1991.

4. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.

5. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3: Бытие и быт. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 400 с.

6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. — М.: Русский язык, 1993.

7. Чешско-русский словарь: В 2 т. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Русский язык; Прага: Государственное педагогическое издательство, 1976.

8. *Borys W.* Slownik etymologiczny jezyka polskiego. — Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2005. — 864 s.

9. *Bruckner A.* Slownik etymologiczny jezyka polskiego. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. — 806 s.

10. *Dlugosz-Kurczabowa K.* Nowy slownik etymologiczny jezyka polskiego. — Warszawa: PWN, 2003. — 658 s.

11. *Rejzek J.* Cesky etymologicky slovnik. Praha: Leda, 2001. — 752 s.

12. Slownik jezyka polskiego / Red. naukowy M. Szymczak. W 3 t. — Warszawa: PWN, 1981.